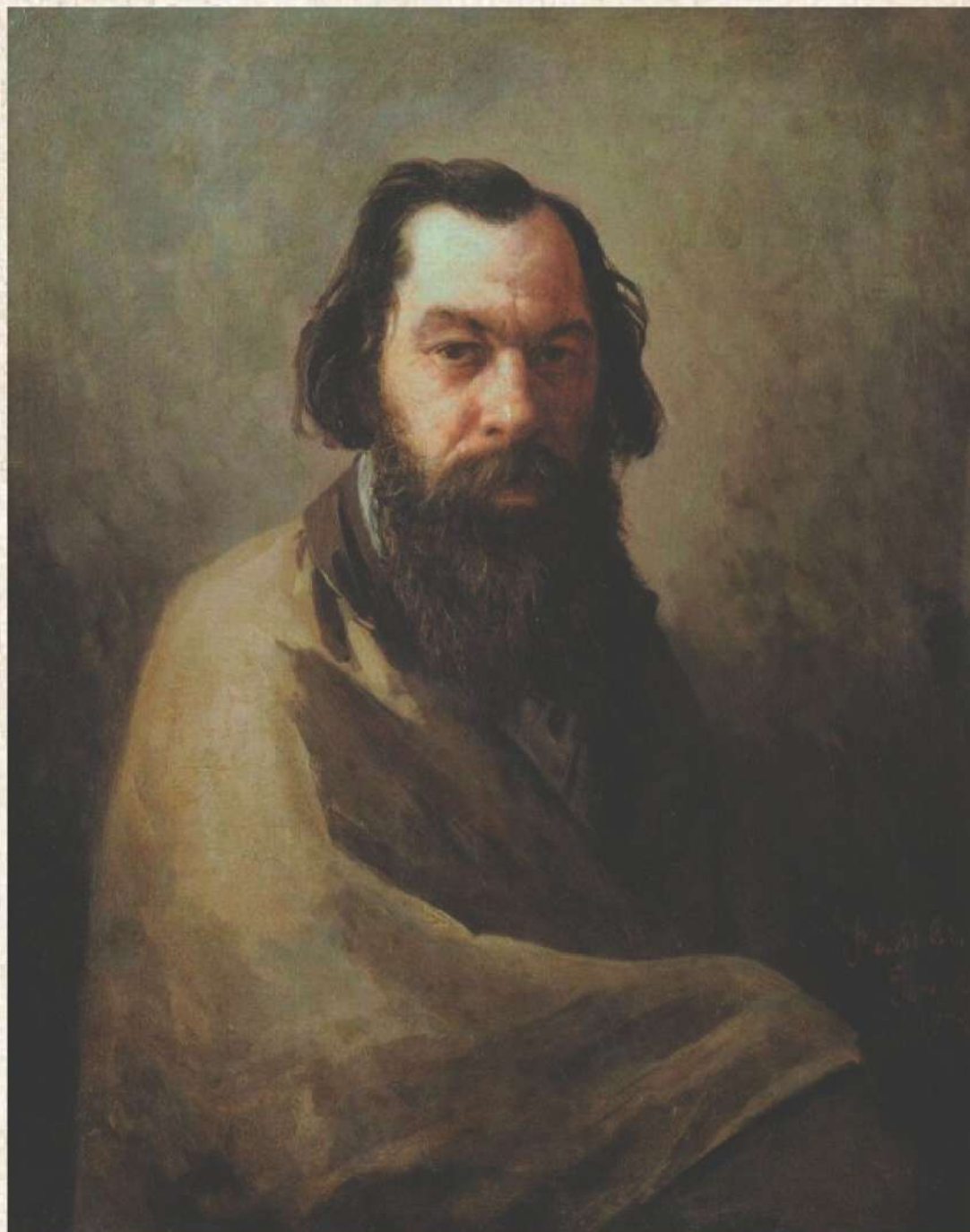

СКАЗКА О ХУДОЖНИКЕ И ВЕСЕННИХ ПТИЦАХ

Волков И. П. Портрет художника А.К.Саврасова

Было это давным-давно. Жил в Москве художник, и звали его Алексей Саврасов. Был он большущий, как медведь, спина широкая, глаза черные, на голове грива темных волос, вид почти всегда насупленный. Его даже испугаться было можно. Но на самом деле он только казался хмурым, потому что всех стеснялся. А как улыбнется - сразу становился похожим на доброго доктора.

Больше всего любил Саврасов цветы, деревья, реки, леса - все то, что называют природой. Вечно бродил по лесам, а весной прибежит в класс, где его ученики сидели, рисовали, да как закричит, руками замашет:

-Нечего в классах киснуть! Скорее, скорее за город! Там уже дуб цветет, небо синее, совсем весна. И на картинах своих Саврасов природу изображал. Такие картины называются «пейзажами», а Саврасов, выходит, был художником-пейзажистом.

"Пейзаж с дубами и пастушком", 1860

Вот наступил однажды весенний месяц март. Все уже заждались солнышка и тепла, а их все нет и нет. И пошел художник Саврасов в лес, за город, посмотреть, где же весна задержалась. Идет по дороге, по сторонам поглядывает. Как же все некрасиво вокруг! Грязный мокрый снег под ногами хлюпает, земля в проталинах черная, безжизненная.

Небо серое, неприветливое, вот-вот пойдет сыпать снегом или дождем. Деревья стоят голые, все какие-то кривые, будто от ветра скрючились. Дома вдоль дороги стоят - все маленькие, неказистые, соломенные крыши набок съехали ... А вон церквушка красивая, видно, что старинная, да вся краска облезла от непогоды. Нет, видно, у крестьян денег, чтобы ее покрасить да побелить. А за деревней поля раскинулись - так туда ни конному, ни пешему хода нет, грязь такая, что и шагу не ступишь. Остановился Саврасов... Что же делать-то? Ноги уже совсем промокли, ветер все сильнее да холоднее... На такой стуже кисточку в руках и не удержишь. Да и охоты нет -ни красками писать, ни карандашом рисовать: не годится такой вид для картины.

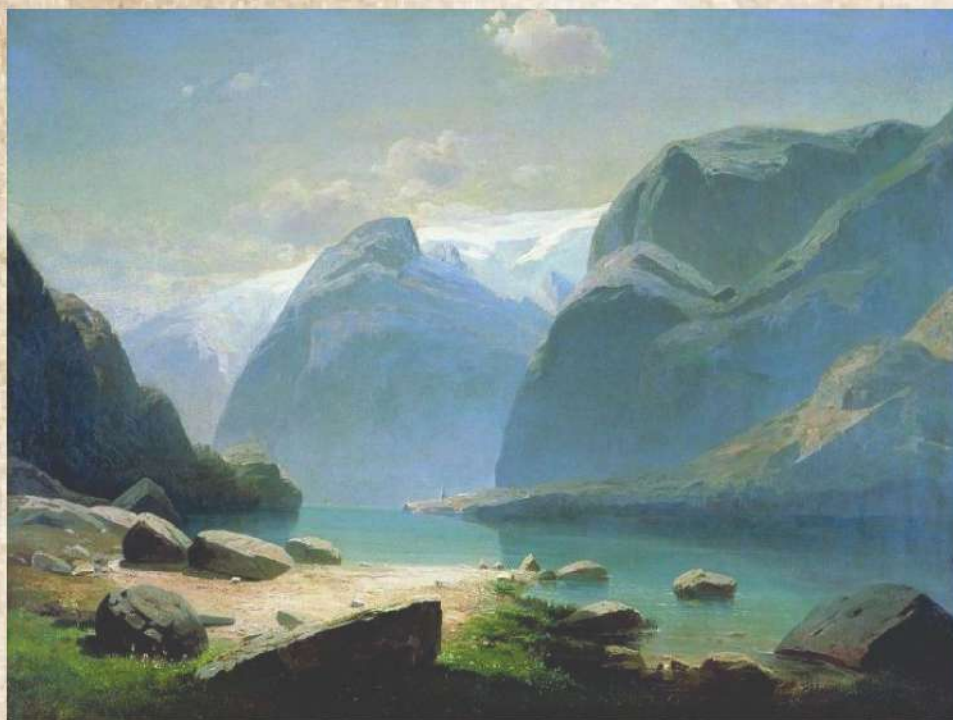

"Дворик. Зима" (1870-е, ГТГ).

То ли дело где-нибудь в Швейцарии! Горы зеленые, реки быстрые да чистые, небо голубое! А какие закаты да восходы!

Много написал там Саврасов разных картин.

Да и в России он немало пейзажей написал, только летних, когда все цветет и радует глаз. И тоже старался, чтобы краски яркие да гладкие были, как у зарубежных художников. Но казалось ему, что в России и деревья милее, и небо роднее, пусть и не такие они нарядные. Уж больно он свою родину любил!

Хотелось ему, чтобы посмотрел на его картину человек, и защемило бы сердце, как у него самого. Да вот никак не получалось все. Оглянулся вокруг себя Саврасов. Тоска!

Нет, не стоит даже начинать. Хватит того, что и из окна на все это нагляделся... Надоело уж... Стоит художник, задумался...

Очнулся он от громкого птичьего крика. Поднял голову, улыбнулся. А-а-а, да это грачи прилетели. Вон как галдят, делят что-то ... Всегда важные, черные, а сейчас сбились в кучу под березками, растрепанные, как воробьи. Да что же это у них там случилось? Решил Саврасов подобраться поближе. Вдруг крик грачиный стал еще громче, все крыльями замахали, и тут из кучи малы, вырвался самый большой и, видно, самый старый грач. Летит он, а в клюве у него, что-то сверкает, переливается, будто бриллиант драгоценный. А за ним вдогонку двое молодых грачей кинулись, напали на него, и уж совсем ничего не видно стало, словно в воздухе большой черной тряпкой машут, а из нее пух да перья сыплются. Вдруг художник видит: прямо на него сверху летит что-то, в воздухе сверкает. Еле успел руку протянуть - и вот лежит у него на ладони какое-то толстое тяжелое стеклышко. Лежит и тихо светится, то желтый лучик из него сверкнет, то голубой. И сразу, будто теплее стало. Хотел он поднести стеклышко к глазам, да тут все три грача на него набросились.

И будто понимают что-то, стараются стеклышко у него из руки выбить, в глаза крыльями бьют. Рассердился Саврасов, взял в руки большую палку, да как закричит:

- А ну, прочь, разбойники! Вот я перья-то вам повыдергаю! Будете знать, как себя с человеком вести следует!

Смотрит, отстали грачи, сели рядом на ветке, будто совет держат. Посидели-посидели, «покаркали» что-то между собой. И вдруг самый старый повернулся к Саврасову да и... заговорил человеческим голосом:

-Мил-человек, отдай нам наше стеклышко! Не простое оно, и трудно нам без него жить.

Саврасов головой потряс, глаза кулаками протер. Что же это за диво такое, сон ему снится, что ли?

А грач головой кивнул и опять заговорил:

- Я главный в стае, самый старый грач. Мы каждый год улетаем на зиму далеко-далеко. А весной мы возвращаемся домой, на родину. Но Россия вон какая большая страна! Без нашего стеклышка мы обязательно заплутаемся. А чем же оно может вам помочь? - спросил Саврасов.

- Да ведь оно волшебное, - сказал грач. - Посмотри-ка в него. Поднес Саврасов стеклышко к глазам,

"Сухарева башня", 1872

глянул в него, да так и сел на мокрый снег. Батюшки святы! Что же это случилось? На сердце у него сразу стало тепло-тепло. Вроде уже и ветер утих, и ноги сразу согрелись. А главное, все вокруг совершенно изменилось, а что - он и понять не может. Как будто и деревья те же, и земля, и небо... Но все сразу стало таким удивительно красивым, что невозможно глаз отвести! Голубоватый воздух словно тихо светится. Березки стоят тоненькие, юные, купают ноги в весенних лужицах. И церквушка среди ветвей показалась вдруг художнику такой милой, словно лицо старого родного человека, которого любишь с детства. И понял Саврасов, что нет для него на всем свете ничего роднее и лучше. Словно кто шепнул ему на ухо, что если сумеет он так написать свою картину, то это поймут и другие. Ему не нужны для нее яркие блестящие краски. Главное, чтобы дохнуло от нее теплом...

- Ну, понял теперь, как мы находим родину? - спросил грач. - Ты человек, и так свой дом найдешь. Верни нам наше стеклышко, а мы тебя отблагодарим.

Сжал Саврасов стеклышко в кулаке, к груди его крепко прижал.

- Простите меня, птицы весенние! Знаю я теперь, на что нужно вам чудесное стеклышко. Только не могу я его сейчас вам отдать.

Мне-то оно, выходит, еще нужнее, чем вам. С ним я и сам свою родину сумею как следует увидеть, и другим людям помогу это сделать. Я ведь художник.

"Разлив Волги под Ярославлем", 1871

Подумал немного старый грач, и ответил:

- У нас, грачей, правило такое: кто стеклышко хранит, тот и вожак. Я совсем стар уже, а молодые решили его у меня отнять. Не хотел я отдавать, вот и оказалось оно у тебя... Ладно, художник. Храни его до осени, когда нам пора будет на зиму в дальнюю даль отправляться. А уж осенью отдашь его обратно. Я сам тогда передам его самому сильному из молодых. Ты уж, мил человек, не подведи нас, а то совсем пропадем мы в чужих-то краях.

И другие грачи на ветвях головами кивают, соглашаются. Обрадовался Саврасов.

- Спасибо тебе грач, что не пришлось мне стеклышко ваше волшебное силком отнимать. А вернуть-то я вам его обязательно верну. Да еще за то, что вы так помогли мне, я вас на картине своей нарисую. Я уж точно знаю, что это будет самая лучшая моя картина. И назову-ка я ее...

- «Грачи прилетели»!

- Спасибо за уважение, художник, - важно ответил ему старый грач. - Мы ведь и правда, на крыльях Весну приносим. Сейчас она пошла своего дедушку Мороза навестить, но вот-вот вернуться уж должна. Совсем скоро тепло будет. Ну, до сентября! Уговор дороже денег. Встретимся на этом же месте. Взмахнули крыльями грачи и улетели.

"Грачи прилетели", 1871

А Саврасов стоит и чувствует, как тепло по всему его телу разливается. Побежал он домой, поставил на мольберт холст, натянутый на рамку, взял кисти и краски и начал работать. Не сразу у него все получилось. Много раз еще приезжал он и на то место, и в другие деревни ездил, чтобы маленькие зарисовочки-этюды сделать.

Но написал он все-таки картину, каких не было раньше в России. Посмотрит на нее любой человек - и его словно солнышко лучом согрело. Вроде и нет ничего особенного - а все свое, милое сердцу. Одним словом - Родина!

И сначала стеклышко Саврасову ох, как помогало! А потом глядит он - что с ним, что без него - все теперь одинаково. Нашел художник свою родину, и не нужно ему больше стало никакое волшебство. Вот так-то!

А как наступил сентябрь; да стали деревья золотыми, отдал Саврасов стеклышко старому грачу, пожелал весенним птицам счастливого пути и счастливого возвращения домой, на родину.

«Радуга» 1875г

Материал составлен по «Сказке о художнике и весенних птицах»
Галины Ветровой.